

Исидор говорит: „О, предмет, достойный удивления! Один и тот же у всех общий облик, и среди такого множества людей настолько велико различие их лиц, что невозможно смешать их для тех, кто всматривается. Ибо, если иногда у некоторых людей замечается сходство, однако, непременно что-либо отыщется в них такое, что создает между ними различие. Многие наделены красивыми глазами, но между ними также есть несходство. У одних они сверкают, у других напоминают цвет и вид винограда; у одних — темные, у других — светлые. В волосах тоже есть особенности. Не все люди на один образец: у одних красивее одна часть тела, у других — другая. Один белый, другой — черный, словом, у каждого есть какое-либо отличие. Все даже невозможно описать“. Далее Исидор переходит к вопросу о том, что столько же люди различаются друг от друга в нравственном отношении. Некоторые обладают одинаковыми добродетелями — состраданием, справедливостью, но проявления их различны. Отличаются люди один от другого также пороками, хотя бы это были пороки одного порядка.¹

И. М. Ивакин полагал, что это письмо Исидора „вероятно, и служило источником и образцом всех дальнейших размышлений о том же предмете. Если так, — говорит он, — то необходимо допустить, что или самое письмо существовало в славянском переводе, или оно было известно по какому-нибудь другому литературному памятнику“.²

Для того, — замечу с своей стороны, — чтобы Владимир Мономах мог читать письмо Исидора к Герону, не нужно было обязательно наличие славянского его перевода. Греческий язык не мог быть чуждым Владимиру Мономаху и по родственным отношениям, и по общему направлению русской образованности и даже школьного обучения в Киевский период,³ потому что, как много лет тому назад писал проф. В. И. Модестов, — „мы стали читать по-гречески пятью столетиями раньше немцев“.⁴

К письму Исидора близко размышление о различии между людьми Дон Жуана Мануэля, поскольку последний от физического разнообразия людей переходит к нравственному несходству между ними.

Но у Владимира Мономаха мотив о разнообразии человеческих лиц входит в большую тему о чудесном устройстве мироздания, о чем Исидор в письме вовсе не говорит, и для объяснения литературных реминисценций в этом отношении И. М. Ивакин сопоставляет „Поучение“ с другими памятниками, как, например, XVII-я беседа Иоанна Златоуста по поводу первого послания к коринфянам, существовавшая в славянском переводе: „Помысли, како все от небытия сотвори, како ли человека и животна и сады, и вся, яже на земли, како ли паки небо бысть и солнце и луна, и без числа звезды, како ли бывша стоять и на часомь, и кое основание имуть, земля же паки како и что под нею, что же под темь...“

Все эти сопоставления „Поучения“ Владимира Мономаха с беседами Василия Великого, Иоанна Златоуста и письмом к Герону Исидора указывают на связь произведения с некоторым кругом идей византийской

¹ Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca prior, t. LXXVIII. lib. IV, epistola CXIV, pp. 1186—1188.

² Ивакин, ук. соч., стр. 103.

³ Акад. Б. Д. Греков. Киевская Русь, изд 4-е, 1944, стр. 334.

⁴ Еще о греческом произношении. — ЖМНП, 1893, март, Отдел классической филологии, стр. 142. В семье Мономаха знание греческого языка было традиционным. Одним из пяти языков, которые „изумяше“ отец его Всеволод, был, без сомнения, греческий, а внук Мономаха, великий князь Михаил Юрьевич, „с греки и латыни говорил их языком, яко русским“ — В. Татищев, История Российская, ч. III, стр. 220.